

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Памятники народного творчества находятся между собой въ тѣсной, неразрывной связи. Они уясняютъ намъ отношенія народа къ природѣ и собственной жизни, важны не только для этнографа, но и для историка. Находя неумѣстнымъ распространяться здѣсь о значеніи обширнаго отдѣла сказокъ и пѣсенъ, ограничимся проведеніемъ небольшой параллели между краткими ходячими изреченіями, каковы загадки и пословицы. Въ первыхъ отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку; въ послѣднихъ — вся житейская мудрость и нравственная личность простолюдина. Въ загадкѣ, болѣе древней по формѣ и происхожденію, открылся полный просторъ для творческой фантазіи народа; въ пословицѣ — для его здраваго смысла и критики. На загадки всегда вліяла окружающая обстановка, для распространенія многихъ изъ нихъ существовали географическія, рѣзко очерченныя границы; на пословицы вліяла людская среда, въ нихъ всегда сквозила личность, характеръ сказавшаго. Возьмите для примѣра старыя пословицы новгородцевъ и москвичей, и вы найдете между ними значительную, мѣстами рѣзкую разницу. Неодинакія условія вызывали въ одномъ случаѣ — иную обстановку, въ другомъ — иную среду. Загадка про кедръ могла сложиться исключительно тамъ гдѣ онъ росъ; изреченія, полныя свободолюбія или приниженности — лишь тамъ, гдѣ эти качества вошли въ характеръ сложившаго ихъ народа.

Происхожденіе загадки относится къ темной древности, къ тому времени когда человѣкъ глядѣлъ на природу, какъ на что то живое, когда явленія ея были для него подавляющей, страшной тайной. Олицетворяя ихъ, дикарь первобытныхъ временъ слагалъ свой образный мифъ и многія изъ загадокъ носятъ на себѣ не-

сомнѣнный отпечатокъ этой мифической давности. По мѣрѣ того какъ борьба человѣка съ природой подвигалась впередъ, загадка, бывшая прежде хранительницей вѣрованій, постепенно утрачивала свое важное значеніе, стала удовлетворять одной народной любознательности. Осталась ея иносказательная, аллегорическая форма, уцѣлѣлъ образный сильный языкъ, но прежній смыслъ затерялся. Народъ сталъ смотрѣть на загадку, какъ на праздное упражненіе ума и предоставилъ ее почти исключительно дѣтямъ, существамъ только еще раскрывающимъ глаза на окружающій міръ. Благодаря этому, образованіе загадокъ пошло новымъ путемъ.

Кругъ ихъ замѣтно расширялся, по мѣрѣ того какъ увеличивался кругозоръ самаго народа. Накопленіе чувственныхъ и умственныхъ впечатлѣній отражалось въ непрерывавшемся творчествѣ. При поверхностномъ взглядѣ на народныя загадки, можно различить ихъ главнѣйшія наслоенія, самый порядокъ отложенія послѣднихъ. Древнѣйшія, каковы загадки о небесныхъ свѣтилахъ и явленіяхъ природы, носятъ на себѣ ясныя слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ почти не зналъ вещей и обстановки, весь зависѣлъ отъ природы той мѣстности, на которой ловилъ звѣрей и пасъ стада. Слѣдующее наслоеніе представляютъ загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Теплое жилье, хозяйство и орудія земледѣлія, большее общеніе съ подобными себѣ, вызвало новый рядъ иносказательныхъ представленій, опредѣленій одного предмета другимъ, по какому-нибудь сходному признаку. Христіанство и грамота отложили одно изъ послѣднихъ наслоеній; творчество дѣтей внесло также свою дань.

Взглядъ на большинство загадокъ, сложившійся у нашего народа, какъ на пустое упражненіе въ словѣ, нестоющее вниманія, передался по наслѣдству и образованному классу. Загадки собирали и записывали сравнительно въ небольшомъ количествѣ, что нельзя было объяснить какими-нибудь особенными трудностями ихъ собиранья. Напротивъ, загадку можно вызвать по желанію, какъ сказку и всякое другое эпическое произведеніе; это не то что пословица, говорящая къ слову, за которой надо слѣдить въ разговорѣ. Понятно, что никто не станетъ высказывать внутреннихъ убѣжденій безъ всякаго повода: душа человѣка не открыта первому встрѣчному и для отысканія новой

пословицы надо разговориться съ простымъ человѣкомъ; загадку же скажетъ всякій знающій, каждый ребенокъ: стоитъ лишь заговорить, возбудить любознательность, которая направлена, какъ извѣстно, въ ранніе годы—больше на конкретныя понятія, какъ болѣе доступныя; въ зрѣлыя—на понятія отвлеченныя.

Сахаровъ первый далъ мѣсто русскимъ народнымъ загадкамъ въ своихъ „Сказаніяхъ“. За нимъ, послѣ долгаго промежутка, явился въ свѣтъ небольшой сборникъ Худякова и обширное собраніе русскихъ пословицъ Даля, гдѣ составитель, придавая послѣднимъ самое широкое значеніе, помѣстилъ болѣе тысячи загадокъ. Во второе дополненное изданіе книжки Худякова (оно было помѣщено въ VI вып. Этнографическаго сборника) вошло все что было у Сахарова, Даля и др., съ прибавленіемъ нѣсколькихъ сотенъ новыхъ.

Въ расположеніи загадокъ Сахаровъ не держался другой системы, кромѣ нумераціи; Худяковъ и Даль, обладавшіе уже значительнымъ матеріаломъ, разошлись въ тѣхъ цѣляхъ, для которыхъ собирали: Худяковъ видимо увлекся исключительно филологіей, упуская изъ виду другое, болѣе важное значеніе загадокъ въ исторіи культуры, и расположилъ собранное въ алфавитномъ порядкѣ; Даль смотрѣлъ на всѣ плоды народнаго творчества какъ на полное отраженіе народной жизни, и размѣстилъ загадки заодно съ пословицами, въ группы. И то и другое имѣло свои неудобства: у перваго можно было сразу найти любую загадку, но не вынести ничего цѣльнаго; у втораго — наоборотъ. Въ первомъ изданіи Худяковскихъ загадокъ варианты были отнесены въ примѣчанія, во второмъ — они заняли надлежащее мѣсто въ текстѣ, съ указаніемъ гдѣ записаны; у Даля же послѣднее не было означено, ни въ словарѣ, ни въ пословицахъ.

Считаю должнымъ сказать теперь нѣсколько словъ про то, что послужило поводомъ къ изданію настоящаго сборника, и про тѣ задачи, которыя я имѣлъ въ виду при его составленіи.

Желаніе ближе познакомиться съ культурнымъ и умственнымъ развитіемъ нашего народа заставило меня прежде всего взяться за словесные памятники его творчества. Въ этомъ случаѣ сборники русскихъ пѣсенъ оказали наибольшую услугу той цѣли, съ которой я взялся за нихъ. Несмотря на массу чисто научныхъ примѣчаній гг. Кирѣвскаго и Рыбникова, система расположенія пѣсенъ

была уже строго намѣчена и послѣдовательно укладывалась въ рамки исторической жизни народа. Жизнь русскаго крестьянина, отъ колыбели до могилы отразилась въ сборникѣ бытовыхъ пѣсенъ, собранныхъ Шейномъ. Взглядъ г. Костомарова на народную поэзію указывалъ тотъ путь, которымъ надо идти.

Одно лѣто, проведенное въ деревнѣ, навело меня на мысль собрать народныя загадки, бывшія въ такомъ забросѣ и почти неизвѣстныя публикѣ. Приходилось внести значительный вкладъ отъ себя и разбить весь матеріалъ разбросанный въ печати на группы, по однороднымъ предметамъ и въ строгой послѣдовательности перехода отъ конкретнаго къ отвлеченному.

Цѣль ставилась такая: выяснить группировкой загадокъ бытовую обстановку и міровоззрѣніе русскаго земледѣльца, затѣмъ дать читателю возможность найти любую изъ нихъ въ приложенномъ отдѣльно алфавитномъ указателѣ. Работа была начата, задача поставлена, и я рѣшилъ довести ее до конца. Не дѣло составителя судить о томъ насколько его работа вышла удовлетворительна, знаю одно, что она не лишена свойственныхъ всякой систематизаціи недостатковъ. Размѣщеніе загадокъ по группамъ предметовъ представляло не разъ довольно большія трудности и было причиною устраненія значительнаго числа вопросовъ въ особый отдѣлъ. Вводныя загадки, имѣющія отношеніе по смыслу, отдѣлены чертами; загадки о совершенно разнородныхъ предметахъ соединенныхъ вмѣстѣ, попали въ отдѣлъ наиболѣе соотвѣтствующій первому слову отгадки. Варіанты, по возможности полный сводъ которыхъ дѣлается въ настоящемъ сборникѣ, распределены сообразно съ тѣмъ порядкомъ, въ которомъ идутъ предметы сравненія. При записываньи соблюдался свойственный большинству загадокъ размѣръ, терпящій столько нарушеній при устной передачѣ. Строчки прозы несомнѣнно стерли бы этотъ своеобразный складъ народныхъ загадокъ и затруднили бы самое чтеніе. Единственно этому обязаны своимъ появленіемъ б. ч. тѣ коротенькія созвучныя строки и большіе бумажные пробѣлы, которые такъ бросаются въ глаза при просмотрѣ изданія. Отсутствие удареній въ сборникѣ (это могутъ поставить мнѣ въ упрекъ), объясняется тѣмъ, что онъ печатался въ новой типографіи, неуспѣвшей ими обзавестись. Подъ варіантами означено до двадцати пяти великорусскихъ губерній. Большая часть загадокъ, собранныхъ лично

мною, записана въ Ставропольскомъ у. Самарской губерніи—(Пальцыно, Рузаново, Озерки, Камышовка, Новиковка, Новое-Урайкино) и въ Симбирскѣ; незначительное количество—на Камѣ, до Перми, и въ Петербургѣ.

Приношу искреннюю благодарность всѣмъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ дѣлѣ пополненія сборника, особенно Гаврилѣ Никитичу Потанину, доставившему цѣлую тетрадь народныхъ загадокъ. При обязательномъ содѣйствіи Леонида Николаевича Майкова, я имѣлъ возможность получить доступъ въ небольшой архивъ Географическаго общества и просмотрѣть въ немъ нѣкоторыя рукописи, хотя непредвидѣнные обстоятельства и помѣшали довести этотъ просмотръ до конца.

Дѣлая мѣстами указанія на загадки западныхъ народовъ, я пользовался немногими, преимущественно нѣмецкими, источниками, которые выставлены въ ниже приложенномъ спискѣ. Матеріалы, которыми пользовался составитель слѣдующіе:

Сахаровъ. Сказанія русскаго народа.

Сныгиревъ. Русскія народныя пословицы и притчи.

Худяковъ. Великорусскія загадки.

— Русская книжка.

Даль. Пословицы русскаго народа.

— Толковый словарь живаго великорусскаго языка.

Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

— Народныя русскія сказки.

Народныя сказки, пѣсни и загадки, 1874.

Воронежскія губернскія Вѣдомости, 1852, 1854 и 1864.

Тульскія > > 1852 и 1861.

Тамбовскія > > 1854.

Вологодскія > > 1859, 1864 и 1866.

Черниговскія > > 1859.

Вятскія > > 1859.

Томскія > > 1859 и 1863.

Полтавскія > > 1861.

Олонекія > > 1863, 1867 и 1870.

Псковскія > > 1864 и 1865 (сб. Евлентьева).

Ясная Поляна, 1862.

Воскресный досугъ, 1867.

Этнографическій сборникъ, вып. II и VI.

Пермскій сборникъ, 1859.

Памятная книжка Архангельской губерніи, 1864.

Труды Архангельскаго статистическаго комитета, 1865.

Новгородскій сборникъ, 1867.

Записки И. Г. Общ. по отд. этногр. 1869, т. II (сб. Носовича).

Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, 1870 вып. II и IV.

Михайловъ, С. преданія чувашъ.

Левшинъ, В. Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія празднаго времени (изд. 1773 г.).

Закревскій. Старосвѣтскій бандуристъ.

Сементовскій. Малорусскія загадки (изд. 1872 г.).

Simrock. Räthselbuch.

Friedreich. Geschichte des Räthsels.

Schleicher-Litthauische Märchen und s. w.

Нѣсколько азбукъ и педагогическихъ сборниковъ.

Примѣчаніе. Считаю нужнымъ замѣтить, что цифра, стоящая въ примѣчаніяхъ послѣ указанія на чей либо сборникъ, означаетъ нумеръ загадки.

•

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе .	. I—VI
Жилище .	1
Тепло и свѣтъ . . .	14
Внутреннее убранство	26
Домашнее хозяйство (утварь и посуда)	35
Пища и питье	56
Рукодѣлья (пряжа, тканье, шитье).	70
Одежда и украшенія .	78
Дворъ, огородъ и садъ .	86
Домашнія животныя .	103
Упряжь и выѣздъ . ;	115
На селѣ	122
Земледѣльческія работы.	140
Въ полѣ	157
Лѣсъ.	165
На пасекѣ.	176
Вода	181
Міръ животныхъ (звѣри, птицы, рыбы, гады и пр.).	188
Люди и строеніе ихъ тѣла	212
Земля и небо.	225
Явленія природы (погода)	237
Понятія о времени, жизни, смерти, душѣ и пр.	247
Вѣра, обряды и порядки .	257
Грамота и книжная мудрость	265
Вопросы и отвѣты.	274
Счетъ и задачи .	283
Дополненія .	287
Алфавитный указатель .	301
Примѣчанія .	313

Ж и л и щ е.

Не бравшись за топоръ избы не срубишь.

(Русская пословица).

Топоръ.

1.

Лицомъ—къ стѣнѣ,
А спиной—къ избѣ.

Псковская губ

2.

Лежить красавица
Лицомъ въ подлавицу.

3.

Захочу, такъ поклонюсь,
А полѣнюсь, такъ поважусь.

Псковская губ.

4.

На дворѣ кланяется,
А домой придетъ—растянется.

Симбирскъ.

а.

Кланяется, кланяется
Придетъ домой—растянется.

б.

Мается, мается.
Придетъ домой—растянется.

5.

Въ лѣсъ идетъ—блеснетъ
И изъ лѣсу—блеснетъ.

Новгород. губ. г. Тихвинъ

а.

Въ лѣсъ идетъ—свѣтитъ
Изъ лѣсу идетъ—свѣтитъ.

б.

Мужикъ идетъ изъ лѣсу,
Зеркало за поясомъ.

Псков. губ.

7.

Кочетъ голенастъ,
Кланяться гораздъ.

8.

На улицѣ полаетъ,
Придетъ подъ лавочку лягетъ.

Нерчинскій окр.

9.

Между двумя дубами
Завязла теля зубами.

Курская губ.

10.

Мужикъ пошелъ въ лѣсъ,
Въ лѣсъ идетъ
Домой глядитъ:
Изъ лѣсу идетъ—
Въ лѣсъ глядитъ.

Симбирскъ.

Клинъ.

11.

И у насъ

И у васъ

Поросенокъ увязъ.

Тулъск. губ. г. Чернѣ.

Долото.

12.

Бѣжить боровакъ

Разбитый лобокъ.

Самарск. губ. Ставроп. у. с. Озерки.

Пила.

13.

Скоро ѣсть,

Мелко жуеъ,

Сама не глотаеъ,

Другой сытъ бываеъ.

Новгород. губ. г. Тихвинъ.

а.

И ѣсть и жуеъ,

Самъ не глотаеъ,

Другихъ надѣляеъ.

б.

Скоро ѣсть

И мелко жуеъ,

Сама не глотаеъ

И другимъ не даеъ.

Коловоротъ.

14.

Замолола

Безголова.

Алмазъ.

15.

Тупъ конецъ,

Востѣръ рѣзеъ:

Рѣжеъ листки,

Летяъ куски.

Самарск. губ. Ставроп. у. с. Озерки.

Изба.

16.

Курица на курицѣ,

А хохолъ на улицѣ.

Самарск. губ. Ставроп. у. с. Пальцыно

17.

Стоить бычище,

Проклеваны боцища.

Яр. губ. Молож. у. пр. Станил. на Сити.

18.

Снаружи—рогата;

Изнутри—комола.

Уголъ у избы.

19.

Выгляну въ окошко:

Стоить долгій Антошка.

Самарск. губ. Ставроп. у. с. Озерки.

а.

Высунусъ въ окошко:

Стоить долгій Янтошка.

Моск. губ. Дм. у. с. Хорошилово

б.

Подъ окошкомъ

Стоить долгій Янтошка.

Казань.

20.

На улицѣ рогато;

Изнутри комлато.

Вят. губ. г. Котельничъ.

а.

На улицѣ рогато.

А въ избѣ комлато.

Новгор. губ. г. Тихвинъ.

Бревна и мохъ.

21.

Что гостъ, то постеля,

Что гостъ, то постеля.

Ряз. у. с. Жолчино.